

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

UDC 323.2(470+571):316.61
LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 31.12.2024
Accepted: 04.05.2025

**THE SOCIALIZING INFLUENCE OF PARENTS ON THE FORMATION
OF ELECTORAL ATTITUDES OF MODERN RUSSIAN YOUTH
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CRISES OF IDENTITY AND TRUST**

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Liliia S. Pankratova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper reflects the study of a number of phenomenons of political socialization among youth in modern Russia. Electoral experience is largely borrowed from the family through common practices of participation in elections. *Methods and materials.* The methodological basis of the study is M. Weber's theory of social action and the model of expressive voting, the synthesis of which makes it possible to analyze the role of the external environment and specific parental practices of participation in the formation of political guidelines and norms of young people. The methods of collecting information were an online survey of young people ($N = 540$), a series of standardized interviews ($N = 14$) with young people who took part in the elections for the first time in September 2024, and focus groups with representatives of student youth of Volgograd ($N = 3$). *The analysis* of interviews and focus groups with young people made it possible to identify three motives for the first electoral experience of respondents: interest, duty, and group identity. The rationality of young people in the manifested practices of electoral behavior and their willingness to take part in large-scale events are noted. *Results.* The experience of parental electoral participation shapes patterns of political behavior of young people. Many respondents note the importance of forming family traditions of participation in elections, socialization of their future children by familiarizing them with the procedure, but without imposing their political views. Thus, a rational-legal type of legitimacy in relation to the institution of elections is formed among the youth of modern Russia. *Authors' contribution.* L.S. Pankratova analyzed the studies on the concepts that act as an external background for the immediate object of the work, identity crises and trust, selected and substantiated the theoretical and methodological framework of the work, and formed the general concept of the study. K.M. Makarenko collected, processed, summarized and analyzed the empirical data on the topic of the study, substantiated the role of family practices of participation in elections in the formation of special models of electoral behavior of young people, and formulated the main conclusions of the work. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research within the framework of the project FZUU-2024-0005 "Participation in elections as a family tradition: resources of the institution of the family and vectors of mobilization of civic activity of modern Russian youth."

Key words: political socialization, political activity of youth, electoral practices, identity, trust.

Citation. Makarenko K.M., Pankratova L.S. The Socializing Influence of Parents on the Formation of Electoral Attitudes of Modern Russian Youth in the Context of Global Crises of Identity and Trust. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 222-234. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РОДИТЕЛЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДОВЕРИЯ

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Лилия Сергеевна Панкратова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В работе находит отражение исследование ряда феноменов политической социализации молодежи в современной России. Электоральный опыт в значимой степени заимствуется в семье через общие практики участия в выборах. *Методы и материалы.* В качестве методологической основы анализа выступает теория социального действия М. Вебера и модель экспрессивного голосования, синтез которых обеспечивает возможность изучения роли внешней среды и конкретных родительских практик участия на становление политических ориентиров и норм молодежи. Методами сбора информации послужили онлайн-опрос молодежи ($N = 540$), серия стандартизированных интервью ($N = 14$) с молодежью, впервые принявшей участие на выборах в сентябре 2024 г., фокус-группы с представителями студенческой молодежи г. Волгограда ($N = 3$). *Анализ* интервью и фокус-групп позволил выделить три мотива первого электорального опыта респондентов: интерес, долг, групповая идентичность. Отмечается рациональность молодежи в проявленных практиках электорального поведения и готовность принимать участие в масштабных событиях. *Результаты.* Опыт электорального участия родителей формирует паттерны политического поведения молодежи. Многие респонденты отмечают важность формирования семейных традиций участия в выборах, социализации своих будущих детей путем ознакомления их с процедурой, но без навязывания своих политических взглядов. Тем самым в среде молодежи современной России формируется рационально-легальный тип легитимности в отношении института выборов. *Вклад авторов.* Л.С. Панкратовой был осуществлен анализ исследований по концептам, выступающим внешним фоном непосредственного объекта работы, кризисам идентичности и доверию, выбрана и обоснована теоретико-методологическая рамка работы, а также сформирована общая концепция. К.М. Макаренко осуществил сбор, обработку, обобщение и анализ эмпирических данных по теме исследования, обосновал роль семейных практик участия в выборах на формирование особых моделей электорального поведения молодежи, сформулировал основные выводы работы. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Ключевые слова: политическая социализация, политическая активность молодежи, электоральные практики, идентичность, доверие.

Цитирование. Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Социализирующее воздействие родителей на формирование электоральных установок современной российской молодежи в контексте глобальных кризисов идентичности и доверия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 222–234. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.20>

Введение. Ключевое значение для трансформации форм взаимодействия власти и общества как в глобальном, так и в национальном масштабах, имеют кризисы доверия и идентичности. Они, безусловно,

связаны между собой. Вопросы идентичности с определенной регулярностью возникают в жизни человеческих обществ. Проблемы гражданской / национальной (а в XXI в. и цивилизационной) идентичности

возникают, когда страна находится в кризисном положении.

А. Этциони был проницателен в прогнозе, когда отмечал, что XX в. характеризовался борьбой идеологий, тогда как XXI будет связан с вызовами идентичности [14]. Р.Т. Мухаев пишет: «Кризис национально-культурной идентичности обернулся доминированием конфликтных форм репрезентации внутри западных и незападных сообществ. Это создало преграды на пути достижения ментального единства и жизнеспособности современных наций, демонтировало прежние механизмы культурного наследия, но не создало конструктивных идентификационных практик, адекватных условиям неопределенности и нарастания социального разнообразия» [11, с. 200].

Проблема кризиса национальной идентичности является глобальной и свойственна всем обществам, за исключением тех, которые находятся в стадии внешних конфликтов. В книге одного из наиболее видных современных политологов С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» отмечается, что сталкивающаяся с серьезным кризисом единая американская идентичность в начале XXI в. стала демонстрировать тренд на фрагментацию. Типичный гражданин США ассоциировал себя, скорее, с какой-либо субкультурой, профессией или иной социальной группой, нежели с некогда единой американской нацией. Поворотным моментом, выступившим фактором новой волны национального единения, стала внешняя угроза исламского фундаментализма после 2001 года. Косвенным подтверждением этому является популяризация национальной символики, увеличение количества национальных флагов, вывешиваемых у домов и т. д. «До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой» [13, с. 15–16].

В современной России после распада Советского Союза также нарастал кризис национальной идентичности, чему способствовали резкие социально-политические трансформации, произошедшие с обществом. Наиболее сильно кризис проявился в молодежной среде, которая осталась без тех идеологических основ, на которых строилось взросление и вос-

питание их родителей. Осознание внешней угрозы до и особенно в период проведения специальной военной операции (далее – СВО) стало «точкой сборки» нации, то есть именно отношение и соучастие, работа в целях помощи бойцам СВО, своему государству и согражданам воспринимается в качестве основания для общей идентичности нации. Снижение роли государства в мире в период глобализации породило и снижение идентификации граждан с государством. В этом контексте и развивается еще один значимый кризис, вынесенный в название нашей статьи, – кризис доверия межличностного, обобщенного и институционального.

Доверие представляется в качестве одной из важнейших характеристик социально-политического взаимодействия граждан. Так как познание объекта возможно исключительно путем его отмежевания от иного, то доверие зачастую определяют через состояние, ему противоположное, то есть нехватку информации, в которой увеличивается риск отрицательного поведения со стороны других участников коммуникативного взаимодействия [8], результатом чего является повышение транзакционных издержек в процессе межакторного взаимодействия. В малом академическом словаре используется следующая трактовка термина «доверие»: «Убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное на них отношение к кому-, чему-либо» [10].

С нашей точки зрения необходимо обозначить «доверие» через четыре его важнейшие характеристики: безопасность, открытость, эмпатия, взаимность. Отсутствие какой-либо из этих характеристик не может привести к формированию доверия как на уровне личности, так и на уровне государств. Характеристики безопасности и открытости обеспечиваются внешней средой (набором институтов и правил, устанавливающих допустимые модели коммуникации), тогда как эмпатия и взаимность определяются непосредственно паттернами поведения субъектов (как людей, социальных групп, так и государств).

За годы исследования феномена доверия в научном мире возникли разнонаправленные течения. Так, исследователи Дж. Хамфри и Х. Шмитц (Humphrey J., Schmitz H.) от-

мечали, что ключевыми факторами для формирования доверия, являются воспитание в семье и сложившиеся моральные нормы [15]. Тем самым ключевое значение отводится ценностям, которые прежде всего воспроизводятся в семье и культуре. При этом в рамках социологического течения в исследовании доверия считается, что анализируемый объект является результатом «долговременной, исторически сложившейся модели ассоциализма, гражданских обязательств и внесемейного взаимодействия. Вследствие исторических особенностей некоторые общества в большей степени предрасположены к объединению, чем другие. Там, где люди более склонны собираться вместе, объединяться в клубы, создавать футбольные лиги и т. д., там они чаще доверяют друг другу и объединяются для решения общих проблем» [5, с. 4]. Таким образом, синтезируя отдельные элементы разнонаправленных подходов, мы приходим к выводу, что доверие как обобщенная характеристика, является результатом совокупности факторов, где находят отражение как семейные практики, так и общегражданские паттерны и культурные принципы.

Мир на современном этапе переживает кризис доверия на трех уровнях сразу: международном, национальном, межличностном. На каждом из представленных уровней субъекты отношений становятся все более атомизированными, теряя характеристики, присущие коллективам. В системе международных отношений это проявляется в кризисе глобальных институтов (ООН, Совет Безопасности ООН, ВТО, G7 и т. д.), невозможности формирования консенсусов, устраивающих конкурирующих «игроков». На уровне национальном это характеризуется так называемым правым поворотом, который ознаменовал утрату доверия к традиционно левым силам, привел к потере интереса значительной части граждан к демократическим процедурам и «уходу» от политики. В межличностном плане снижение доверия представляется в качестве серьезной социально-психологической проблемы, приводящей к минимизации социальных связей и т. д.

Наиболее серьезный кумулятивный эффект кризис доверия имеет в молодежной среде. Одна из проблем связана также с тем,

что снижение межличностного доверия приводит к изменению традиционных практик политического поведения, в том числе и в электоральном процессе. Важнейшим институтом демократии являются выборы как процедура избрания властвующих лиц. При этом в молодежной среде отношение к выборам неоднозначное, что может быть, как стихийной, так и осознанной реакцией. Как отмечает Е.М. Гуменникова, абсентеизм молодежи связан с ощущением обмана при вовлечении их в политическую активность [6, с. 90].

Методы и материалы. Глобальные кризисы доверия и идентичности являются характерными чертами современной эпохи, выступая внешней средой для объекта нашего исследования – политической социализации, проявляемой в формировании электоральных установок молодежи.

В методологическом плане изучение политической социализации целесообразно проводить посредством целого ряда подходов, например, П. Бергер и Т. Лукман (авторы термина «политическая социализация») в рамках методологии социального конструкционизма (конструктивизма) выделяли два этапа социализации: 1) приобретение норм и ценностей, характерных тому или иному обществу, полученное посредством передачи их от старших поколений к младшим; 2) приобретение новых знаний и опыта, получаемого посредством как самостоятельных практик, так и иных факторов [2].

Согласно теории символического интеракционизма, формирование личности с особым набором ценностей, интересов и ориентиров является результатом ее регулярных взаимодействий с окружающей средой.

В рамках системного подхода (Д. Истон, Дж. Деннис и Т. Парсонс) политическая социализация является результатом взаимодействия социальной среды и индивида с целью формирования общественно установленных ценностей и норм поведения.

Исследование политической социализации не ограничивается тремя представленными подходами. В работе А.Р. Бочкаева дан краткий анализ наиболее популярных теорий политической мобилизации [3].

При всем многообразии теорий политической социализации и многоаспектности

самого объекта исследования мы считаем необходимым прибегнуть к синтезу двух подходов: 1) теории социального действия, согласно которой поведение индивида обусловливается доминирующими в обществе практиками, то есть детерминируется паттернами поведения «других». В нашем случае значимыми «другими» выступают родители индивида, которые и являются первой (и зачастую самой важной) ролевой моделью; 2) модели экспрессивного голосования, которая подразумевает, что электоральный выбор формируется в результате внешнего влияния на индивида. В рамках данного подхода особая роль отводится агентам политической социализации.

Единство подходов дает нам возможность акцентирования исследовательского внимания на внешней среде и конкретных практиках, источником которых являются члены семьи (прежде всего родители). Политический характер социализации выражается в том числе в формировании особых паттернов гражданской активности, выражения себя в политике, ее регулярных и стихийных практиках.

Политическая социализация не только функционирует на двух уровнях, но и разделяется по формам проявления. А.М. Гатиева выделяла три формы политической социализации: 1) прямую; 2) латентную; 3) стихийную. Соответствующими агентами политической социализации в каждой из форм выступают 1) социальные и политические институты, целенаправленно формирующие определенные наборы ценностей; 2) те социальные институты, которые не создают политические ценности и ориентиры, но оказывают влияние на выражение отношения к государству, обществу, политическим институтам; 3) СМИ и субкультуры [4, с. 112]. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка анализа латентной формы политической социализации с акцентированием внимания на роли семьи в формировании политических ценностей и электоральных паттернов поведения молодежи.

Отметим, что тема политической социализации молодежи находила свое отражение в работах отечественных исследователей как в теоретическом, так и прикладном планах. Особое внимание, с нашей точки зрения, заслуживают работы, фокусирующие внимание

на исследовании практик и форм политической социализации в региональном пространстве РФ. Для современной отечественной молодежи характерен в большей степени интерес к внешней повестке (мировые новости), нежели решение локальных проблем. Подобный вывод об игнорировании общественно-политической жизни города и страны в пользу проявления интереса к политической жизни мира в целом был сформулирован в статье коллектива авторов: О.А. Нерсерчук, А.Р. Горчаковой, Н.С. Стригиной [12, с. 89]. Это может свидетельствовать либо о кризисе идентичности в молодежной среде, когда вопросы, имеющие непосредственное значение для жизни социальной группы остаются на периферии внимания, либо об усталости от политики как общественном явлении, тогда как мировая политика представляется, скорее, как продукт масс-медиа и вызывает интерес. В настоящий момент обозначенные выше тезисы носят гипотетический характер, а эмпирическая проверка данных предположений, выявление четких причинно-следственных связей может стать предметом будущих исследований.

Значимым для понимания политической социализации молодежи России представляется и феномен цифровизации. Классические агенты социализации (семья, учителя, телевидение) сталкиваются с растущим влиянием со стороны новых акторов (блогеры, стримеры). Ключевой проблемой в данном ракурсе является доверие к агентам социализации, так как именно оно определяет возможность влияния. В этой связи выделение блогеров как одних из ключевых акторов социализации не выглядит странным, так как именно доверие является выраженным по отношению к ним чувством молодежи. В.А. Касамара, А.А. Сорокина и А.Н. Шилина пишут, что причина формирования доверительных отношений с молодежью основывается, по мнению молодежи, на отсутствии фальши, выражении искренних эмоций [7, с. 20].

Теме соотношения «традиционных» и «новых» агентов политической социализации посвящена статья Т.А. Асеевой и О.С. Киревой, пришедших к ряду интересных выводов. В качестве ключевых источников получения информации о политических событиях для молодежи Сибирского и Дальневосточного фе-

деральных округов выделяются: 1) социальные сети, мессенджеры; 2) друзья, знакомые; 3) родственники; 4) центральное телевидение. При этом наиболее значимым в вопросах обсуждения общественных проблем представляется мнение: 1) родителей, родственников; 2) собственное мнение; 3) друзей [1, с. 59]. Выводы данного исследования показывают амбивалентный характер политической социализации молодежи, которая проявляется, с одной стороны, во все более увеличивающемся влиянии цифровизации в контексте появления и закрепления новых источников информации, а с другой – в сохранении семьи и близких в качестве ключевых субъектов формирования позиции для представителей молодежи. Мы склонны предположить, что схожий характер политической социализации присущ и иным регионам России.

В рамках данного исследования была предпринята попытка проверки гипотезы о том, что семейная практика электорального поведения молодежи Волгоградской области имеет все основания для формирования традиции участия в выборах. Целевой группой стала молодежь 18–21 года, представители которой в 2024 г. потенциально имели возможность впервые принять участие в выборах в качестве избирателей. Исследование было комбинированным, включающим как количественные (онлайн-опрос молодежи, ассоциативный опрос), так и качественные методы (формализованные интервью и фокус-группы). Акцент в рамках данной статьи сделан на представлении результатов 3 фокус-групп, проведенных в декабре 2024 г. с представителями студенческого сообщества г. Волгограда. Выбор обучающихся в вузах обусловлен попыткой формирования однородных по уровню образования и вовлеченности в общественную жизнь групп. В каждой фокус-группе принимало участие от 8 до 10 человек. Соотношение по полу было представлено в пропорции 50/50, тогда как в плане возраста делался акцент на студентах 1-го курса, которым на момент проведения выборов в сентябре 2024 г. было 18 лет.

Отметим, что полученные в ходе проведения фокус-групп данные отражают в большей степени специфику электорального и политического поведения молодежи Волгоград-

ской области, а их экстраполяция на другие регионы требует осторожности и учета местной специфики. Тем не менее обозначенные в исследовании паттерны, с нашей точки зрения, носят универсальный (с отдельными оговорками) характер и могут стать отправной точкой для дальнейших кросс-региональных исследований.

Упор на качественные методы исследования обусловлен необходимостью фиксации глубинных мотивов и объяснения паттернов поведения молодежи, которые не фиксируются через закрытые вопросы в рамках опросного инструментария. Помимо этого, глубинные интервью и фокус-группы позволяют в рамках исследования изучить субъективные интерпретации семейного влияния, раскрыть нюансы формирования доверия к процедурам, анализировать контекстные факторы (роль друзей при участии в выборах или причины формирования тревожности к избирательной процедуре).

Анализ транскриптов (стенограмм) интервью и фокус-групп проводился посредством процедуры открытого, а затем осевого кодирования вручную в программах MS Word и MS Excel. При необходимости мы будем обращаться к результатам и другим исследований, проведенных исследовательским коллективом Волгоградского государственного университета ранее. Объем данных, полученных качественными методами, обусловлен достижением теоретического насыщения, когда последующие интервью с однородной социальной группой перестали давать информацию о новых паттернах политического (в данном случае – электорального) поведения.

Анализ. На основе предварительно сформулированной гипотезы о том, что электоральные практики детей заимствуются от родителей при наличии побудительного мотива, а также в ходе проведения непосредственного исследования (и интерпретации его результатов) мы пришли к выводу, что в качестве факторов электорального участия можно выделить: мотив участия, устойчивость семейных электоральных практик, уровень выборов. Выбор данных параметров, определяющих электоральное участие, обусловлен не только их влиянием, но и, что немаловажно, возможностью их эмпирической фиксации.

Мотив участия. На основе серии проведенных формализованных интервью ($N = 14$) было выделено три доминирующих мотива к первому участию в выборах: 1) интерес; 2) долг; 3) групповая идентичность [9, с. 75]. Частичное подтверждение данные мотивы нашли и в рамках проведенных фокус-групп с представителями студенческого сообщества г. Волгограда.

1. Интерес к процедуре. *«Первый раз я участвовала в выборах в марте, когда выбрали президента. Мне исполнилось 18 лет. Было просто интересно, сходила, проголосовала. Ну и хотела, в принципе»* (фокус-группа, девушка).

«Вот мне исполнилось 18, и я подумала, что интересный опыт можно получить, почему бы и не сходить на выборы. Вот казалось, что... То, что я проголосую, возможно, не сильно, но как-то сможет на что-то повлиять. Но это такие уже более утопические мысли. А так больше из-за того, что было интересно, такое любопытство» (фокус-группа 2, девушка).

2. Интерес + долг. *«У меня было несколько причин. Первое – это то, что мне вот только исполнилось 18 и это первый раз, когда я смогу проголосовать, я ничего такого не испытывала. Вот первый опыт, и зачем мне его упускать? Пойду, схожу. И несложно, что мне тут дойти до ближайшего пункта? И потом как-то тоже гражданская позиция того, что это нужно сделать. Если я уже достигла возраста, когда я могу это сделать, что это необходимо, то я пойду и сделаю»* (фокус-группа 2, девушка).

«Как я и сказал, по большей части это мой гражданский долг. Как гражданин Российской Федерации, который уже получил в 18 лет возможность избирать своего будущего президента как главу своей любимой страны» (интервью, юноша, Астраханская обл.)

3. Групповая идентичность. *«[Что побудило к участию?] это были мои друзья, которые тоже уже достигли совершеннолетия, им тоже было 18 лет, и с ними тоже хотелось сходить на данные выборы»* (интервью, юноша, Волгоградская обл.).

Отсутствие первого опыта участия в выборах может приводить как к интересу, так

и к тревоге. Представителям молодежи свойственна боязнь ошибиться, выглядеть нелепо на публике: *«В принципе, я хотела сходить на выборы, когда я смогу это сделать со своей семьей, которые мне помогут вообще разобраться, так, куда мне надо подойти, как мне сказать, откуда я, куда мне надо идти с этим листочком, потом куда мне класть его, потому что все равно потеряешься в этом»* (фокус-группа 1, девушка). Тем самым актуализируется необходимость более пристального внимания власти к обеспечению процессов, превентивно успокаивающих тревожную молодежь при участии в выборах. Такого рода напряжение порождает страх, а значит способствует снижению электоральной активности в молодежной (а возможно и не только в ней) среде. Социальные изменения обоснованно ведут к трансформации привычных процедур, в том числе и в электоральной практике.

Интерес хоть и выделяется в качестве одного из ключевых мотивов, не может являться единственной моделью поведения столь неоднородной социально-возрастной группы как молодежь. Наряду с активным участием, основанным на интересе, выделяются практики осознанного абсентеизма, где неучастие обосновывается недостаточной экспертностью в вопросе: *«Нет, просто не увлекаюсь политикой. Я для того, чтобы проголосовать, но в моем понимании нужно примерное представление иметь о людях, которые участвуют в выборах как кандидаты. У меня такого не было, поэтому не проголосовала»* (фокус-группа 1, девушка).

Рационализация электорального поведения проявляется и в осознании значимости своего голоса. *«Если в будущем я начну интересоваться чем-то таким подобным и у меня будет какой-то уже более осознанный выбор, который, правда, принесет пользу, а не так чисто для галочки ходить, проголосовать. Вот тогда да, я буду ходить на выборы. А вот, как я уже сказал, для галочки я не хочу ходить»* (фокус-группа 3, юноша). На этом фоне проявляется и некоторая предубежденность к электоральным практикам представителей более старших поколений. Респондентами высказыва-

лась мысль о том, что их практики политической активности более выраженные, нежели это представлено в поколении их родителей: «Мне кажется, что родители все-таки наши еще родом из СССР, где в принципе граждане принимали меньше участия в решении каких-то политических вопросов и таковые выборы имели меньше значения. А сейчас молодежь уже стала более политически активной, и в целом выборы агитируются на многих уровнях нашей жизни, поэтому люди в этом более заинтересованы» (фокус-группа 1, юноша).

Устойчивость семейных электоральных практик. Родительские практики сильно отличаются в разных семьях. Зависит это как от непосредственной позиции самих родителей, так и от сферы деятельности, в которой они трудоустроены: «Мои родители посещают. Все выборы, 100 %. Мой папа военный, там без шансов, он сам всегда голосует, во всех выборах принимает участие. А маму, скорее, вынуждают на работе, то есть... Это обязательно. То есть прийти туда, проголосовать, скинуть либо фотку, либо геолокацию. То есть это обязательно. Мама врач. Она работает и в государственной, и в частной клинике. Поэтому в государственной это обязательно» (фокус-группа 2, девушка).

Некоторые респонденты отмечали крайнюю избирательность и рационализм своих родителей при участии в процедуре голосования: «Ну, отец ходит только на президентский, а на уровень ниже только если попросит [кто-то], но так он на него не ходит. Ну или если что-то наподобие благоустройства обсуждается, почему нет. Потому что это что-то, ну, условно рядом с домом нашим, и это может принести какую-то нам выгоду, условно сказать. То есть если мы голосуем за кандидата какого-то, не факт, что нам от этого лучше или хуже станет. А если территорию там починят, например, то неплохо» (фокус-группа 2, юноша).

Опыт хождения на выборы с родителями выполняет выраженную социализирующую функцию, которая признается респондентами полезной: «Я очень часто с папой посещала такие мероприятия, просто, ну, посмотреть.

Он водил меня, чтобы показать, как это все происходит. То есть, в принципе, когда лично я пошла уже на выборы, я уже знала, как это будет происходить, как, куда, что заполнять, куда отдаешь бюллетень, еще что-то. Поэтому ничего нового такого прямо не узнала, когда сходила сама» (фокус-группа 1, девушка).

«Я могу сказать, что просто они [родители] показали мне вообще, что это и как это. И я бы сказала, что, когда мы в более младшем возрасте, наверное, до 14 лет, нам об этом ни в школе, ни где не говорят. Потому что нам до этого возраста далеко, и нас не заставляют, в принципе, не могут заставить пойти голосовать и что-то в этом роде. Поэтому все самое важное я узнала от них. Поэтому они повлияли на то, что я хожу на выборы. И как сказала Саша, это не что-то из разряда, вот мама сказала, поэтому я делаю. А именно то, что мне показали и объяснили, что это. А для себя дальнейшее решение я провела сама. Буду ли я туда ходить или нет. То есть меня бы никто туда не потащил, если бы я сказала, что я не буду» (фокус-группа 3, девушка).

Формирование социальной практики приводит респондентов к осознанию закрепления подобного опыта в будущем. В дальнейшем респонденты отмечают необходимость и полезность брать с собой на выборы уже своих детей: «Однозначно да. Ну, потому что я на своем примере условно испытала это, то, что родители... Там объясняли, что-то показывали, просто как это все проходит. Я думаю, что своего ребенка я бы тоже отвела, показала, объяснила. Не заставила, а, скорее, просто показала, как это происходит. А в дальнейшем, когда он вырастет, он уже сам решит, что ему надо интересоваться этим, ходить, голосовать или нет. Ну я думаю, заставлять не буду» (фокус-группа 2, девушка).

Уровень выборов. Президентские выборы воспринимаются респондентами более важным событием, что обусловлено тремя факторами: большим масштабом информационного насыщения, ощущением значимости события, практикой родительского электорального участия (родители чаще ходят на выборы федерального уровня).

По итогам проведения онлайн-опроса 540 представителей молодежи России (респонденты были представлены из разных регионов РФ: Волгоградская область, Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ярославская область, Астраханская область и т. д., что обеспечивает географическое разнообразие выборки) была составлена корреляционная матрица по 4 вопросам (вариантам ответов «да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет» были присвоены числовые значения; ответы «не знаю», «другое» – были отфильтрованы).

Легенда к таблице 1:

2. Обсуждалась ли в Вашей семье необходимость / важность участия в выборах?

9. Считаете ли Вы для себя значимым в будущем делиться своими политическими взглядами с Вашими детьми в семье?

4. До достижения Вами 18-летнего возраста ходили ли Вы вместе с родителями на избирательные участки?

6. Принимали ли Вы участие в выборах, которые проходили в сентябре 2024 года?

Статистически значимым является коэффициент корреляции, значение которого превышает 0,3 (-0,3). То есть в рамках проведенного анализа значимой является корреляция между ответами на вопрос 2 и 9 (отсутствие статистически обусловленных взаимосвязей между другими данными может быть связано как с ограниченным объемом выборки, так и с нелинейностью факторов влияния на электоральную активность молодежи). Тем самым можно говорить о наличии слабой взаимосвязи между обсуждением необходимости / важности участия в выборах и значимостью в будущем делиться своими политическими взглядами с детьми. По всей видимости, данная взаимосвязь является доказательством начала формирования традиций семейного участия, однако подтверждение полученных данных требует про-

ведения лонгитюдных исследований, чтобы понять, насколько данная зависимость устойчива и воспроизводима. Данная статистическая закономерность подтверждается словами участницы одной из проведенных фокус-групп: «Не сказала бы, что это прям семейное событие, но с тех пор, как мне исполнилось 18, на выборы мы ходим вместе. Все в один день. Вместе собираемся и идем» (фокус-группа 1, девушка). В остальном статистически значимых корреляций между исследуемыми переменными не обнаружено.

В рамках онлайн-опроса задавалась серия вопросов по определению радиуса доверия респондентов к определенным социальным группам.

Очевидным становится наличие короткого радиуса доверия современной российской молодежи, который не раз уже отмечался в отечественных и зарубежных исследованиях. Т.А. Гужавина отмечала: «В молодежной среде, как и в целом среди населения области, превалирует доверие, прежде всего, ближнему кругу, к которому относятся члены семьи, родственники и друзья. По своему составу круги доверия сформированы на основе взаимодействия с хорошо знакомыми людьми» [5, с. 4]. Уверенность в обоюдной открытости концентрируется на ближайшем круге общения индивида, куда относятся члены семьи, родственники, друзья, представители социально одобряемых профессий (учителя, врачи). В отношении политиков доминирует низкий уровень доверия, статистически близкий к тому, что реализуется при общении с людьми в Интернете (см. табл. 2).

Низкий уровень доверия политикам в среде молодежи во многом обуславливает отношение к политическим процедурам. Стоит отметить, что такой показатель доверия к политикам нередко связан с малым уровнем информирования о деятельности этих людей. «Нет, просто не увлекаюсь политикой. Для того, чтобы проголосовать, в моем понимании,

Таблица 1. Корреляционная матрица по результатам онлайн-опроса молодежи
Table 1. Correlation matrix based on the results of the online youth survey

Номер вопроса	2	9	6	4
2	1			
9	0,3362038	1		
6	0,0840594	0,1550626	1	
4	0,2635695	0,2173087	0,272446	1

нужно примерное представление иметь о людях, которые участвуют в выборах как кандидаты. У меня такого не было, поэтому не проголосовала» (фокус-группа 2, девушка). Высокую значимость для молодежи имеют выборы президента, что обосновывается выбором лица, оказывающего влияние на глобальные процессы. Данный факт подтверждает желание молодежи участвовать в значимых, крупных событиях. Иные выборы остаются на периферии общественного сознания молодежи как неважные, бессмысленные. В одной из фокус-групп участник отмечал, что принимал участие в президентских выборах в марте 2024 г., но относительно выборов губернаторского уровня высказал следующее:

«Модератор: А про губернаторские? Знали или нет?»

Юноша: Знал, но не ходил.

Модератор: А почему?»

Юноша: Не вижу смысла даже ходить» (фокус-группа 2, юноша).

Также имела место позиция относительно несопоставимо более низкой степени информированности о губернаторских выборах. Молодежь считает важным делать выбор, понимая, за кого они голосуют. В случае отсутствия информации молодежь сознательно избегает участия в выборах: *«А про другие [помимо президентских], мне кажется, нет такой масштабной информации, рекламы, больше информации о тех личностях, которые выдвигают себя. Возможно, если бы я кого-то знала, ну, просто даже бы видела, слышала и увидела, что этот человек выступает, предьявляет себя, я бы пошла проголосовать за него» (фокус-группа 3, девушка).*

Результаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что во многом ключе-

вым звеном политической социализации в современной России остается институт семьи. Институционализация первичных электоральных практик, происходящая в семье, проявляется в опыте первого участия молодежи в выборах. Семейная практика брать детей с собой на выборы до достижения ими 18-летнего возраста выполняет крайне значимые социализирующую и терапевтическую функции, позволяя сформировать как отношение к процедуре, так и снизить тревожность в отношении алгоритма действий, нужных для проведения процедуры голосования.

В исследовании подчеркивается, что социализирующее влияние родителей проявляется преимущественно в формировании базового доверия к электоральным институтам и процедурам, а не в прямой трансляции конкретных политических предпочтений. Респонденты отмечают, что родители знакомили их с процессом голосования, демонстрировали значимость участия в выборах как гражданского долга, но избегали навязывания своих взглядов. Это способствует формированию рационально-легального типа легитимности выборов у молодежи, где акцент делается на уважении к процедуре, а не на поддержке конкретных кандидатов. Данный тезис явно обозначен в разделе «Результаты» (см. абзац о рационально-легальной легитимности) и усилен во введении.

Статистически значимая корреляция фиксируется между ответами на вопросы «Обсуждалась ли в Вашей семье необходимость / важность участия в выборах?» и «Считаете ли Вы для себя значимым в будущем делиться своими политическими взглядами с Вашими детьми в семье?», что может говорить о складывании в российском обществе традиции семейного участия в выборах. Помимо этого, прояв-

Таблица 2. Средние значения доверия молодежи к разным субъектам

Table 2. Average values of youth trust in different subjects

Наименование	Ср. арифметическая	Мода
Члены семьи	4,44	5
Друзья	3,87	4
Коллеги по учебе / работе	2,84	3
Незнакомые люди	1,38	1
Люди, с которыми Вы общаетесь в Интернете	1,95	1
Политики	2,20	2
Учителя, врачи	3,15	3

ляемая в высказываниях респондентов позиция относительно готовности отдать свой голос только за что-то важное, масштабное и значимое (прежде всего голос на выборах президента), говорит о складывании в российском обществе, в частности в молодежной среде, модели рационально-легального типа легитимности в отношении института выборов. Отмеченные признаки появления иного (помимо харизматического) типа легитимности позволяют сделать вывод о назревающих изменениях в моделях отношений власти и социума в России, что повторно актуализирует вопросы доверия и идентичности, которые во многом детерминируют трансформационные процессы социально-политического характера.

Сильное влияние традиционных социальных институтов позволяет, хоть и с оговорками, говорить о слабости институционализированных форм вовлечения молодежи в политику: посредством молодежных отделений партий, молодежных парламентов и т. д. Также имеет место ряд выводов относительно вынесенных в заглавие статьи кризисов идентичности и доверия. Политическая идентичность молодежи РФ характеризуется свойственной ей двойственностью: стремлением к автономии и критической позиции по отношению к официальным (государственным) нарративам и в то же время зависимостью от семейных моделей поведения. Кризис доверия явно проявляется в электоральном цинизме, когда молодежь заявляет о недоверии (и незначимости участия) к электоральной процедуре, но принимает участие в ней в соответствии с принятыми в обществе моделями поведения (особенно в отношении выборов на федеральном уровне).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеева Т. А., Киреева О. С. Новые vs традиционные агенты политической социализации в условиях digital-коммуникации молодежи регионов РФ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 57–64.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бочкаев А. Р. Основные подходы к политической социализации молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 104–108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108
4. Гатиева А. М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3. 109–114.
5. Гужавина Т. А. Социальный капитал молодежи: опыт социологического анализа // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). С. 1–13.
6. Гуменникова Е. М., Короткова О. В. Абсентеизм среди молодежи Хакасии // Вестник науки и образования. 2018. № 5. С. 89–91.
7. Касамара В. А., Сорокина А. А., Шилина А. Н. YOUTUBE-блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 7–21.
8. Локке Р. М. Формирование доверия. Препринт WP1/2005/07. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 32 с.
9. Макаренко К. М., Морозов С. И. Характер социализирующего влияния родителей на участие молодежи в выборах // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2024. С. 63–79.
10. Малый академический словарь. URL: <https://gufu.me/dict/mas/доверие>
11. Мухаев Р. Т. Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 1. С. 199–215.
12. Нестерчук О. А., Горчаков А. Р., Стригина Н. С. Особенности политической социализации молодежи в современной России (на примере Брянской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 84–92.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635 с.
14. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 384 с.
15. Humphrey J., Schmitz H. Trust and Economic Development // Discussion Paper 355. Brighton, UK: Institute of Development Studies. URL: https://www.researchgate.net/publication/295650547_Trust_and_Economic_Development

REFERENCES

1. Aseeva T.A., Kireeva O.S. Novye vs traditsionnyye agenty politicheskoy sotsializatsii v usloviyakh digital-kommunikatsii molodezhi regionov RF [New vs Traditional Agents of Political Socialization

in the Context of Digital Communication of Youth in the Regions of the Russian Federation]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2022, no. 2 (71), pp. 57-64.

2. Berger P., Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti [Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

3. Bochkaev A.R. Osnovnyye podkhody k politicheskoy sotsializatsii molodezhi [Main Approaches to the Political Socialization of Youth]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2022, no. 12 (4), pp. 104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108

4. Gatiyeva A.M. Politicheskaya sotsializatsiya: osnovnyye teoreticheskiye podkhody issledovaniya [Political Socialization: Main Theoretical Approaches to Research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2010, no. 3, pp. 109-114.

5. Guzhavina T.A. Sotsialnyy kapital molodezhi: opyt sotsiologicheskogo analiza [Social Capital of Youth: Experience of Sociological Analysis]. *Sotsialnoye prostranstvo* [Social Space], 2017, no. 1 (8), pp. 1-13.

6. Gumennikova E.M., Korotkova O.V. Absenteizm sredi molodezhi Khakasii [Absenteeism Among the Youth of Khakassia]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2018, no. 5, pp. 89-91.

7. Kasamara V.A., Sorokina A.A., Shilina A.N. YOUTUBE-blogery kak agenty politicheskoy sotsializatsii rossiyskikh shkolnikov [YouTube Bloggers as Agents of Political Socialization of Russian Schoolchildren]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskkiye nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences], 2021, no. 3, pp. 7-21.

8. Lokke R.M. *Formirovaniye doveriya. Preprint WPI/2005/07* [Formation of Trust. Preprint WPI/2005/07]. Moscow, GUVShE, 2005. 32 p.

9. Makarenko K.M., Morozov S.I. Kharakter sotsializiruyushchego vliyaniya roditeley na uchastiye molodezhi v vyborah [Nature of the Socializing Influence of Parents on Youth Participation in Elections]. *Fundamentalnaya i prikladnaya nauka: sostoyaniye i tendentsii razvitiya* [Fundamental and Applied Science: State and Development Trends]. Petrozavodsk, Mezhdunar. tsentr nauch. partnerstva «Novaya Nauka», 2024, pp. 63-79.

10. *Malyy akademicheskiy slovar* [Small Academic Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/doverie>

11. Mukhayev R.T. Globalizatsiya i krizis natsionalnoy identichnosti: v poiskakh novykh form reprezentatsii [Globalization and the Crisis of National Identity: In Search of New Forms of Representation]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 2021, no. 1, pp. 199-215.

12. Nesterchuk O.A., Gorchakov A.R., Strigina N.S. Osobennosti politicheskoy sotsializatsii molodezhi v sovremennoy Rossii (na primere Bryanskoy oblasti) [Features of Political Socialization of Youth in Modern Russia (on the Example of the Bryansk Region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 84-92.

13. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who Are We? Challenges to American National Identity]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 635 p.

14. Etsioni A. *Ot imperii k soobshchestvu. Novyy podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam* [From Empire to Community: A New Approach to International Relations]. Moscow, Ladimir Publ., 2004. 384 p.

15. Humphrey J., Schmitz H. Trust and Economic Development. *Discussion Paper 355*. Brighton, UK, Institute of Development Studies. URL: https://www.researchgate.net/publication/295650547_Trust_and_Economic_Development

Information About the Authors

Kirill M. Makarenko, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Liliia S. Pankratova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Информация об авторах

Кирилл Михайлович Макаренко, кандидат политических наук, доцент кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Лилия Сергеевна Панкратова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>